

Исторический смысл кризиса психологической экспертизы: социальные аспекты привлечения специалистов-психологов к судебной практике

Название очерка — это парафраз названия книги Льва Выготского (1982), которого считают основоположником советской психологии. В разборе современных ему психологических научных парадигм 1930-х он проанализировал методологические вызовы (смысл кризиса), перед которыми стояли ученые того времени и ответы на них. Настоящий очерк ставит себе более скромную, но родственную задачу: рассмотреть психологическую экспертизу в социальном контексте настоящего момента — как с точки зрения внутренних вызовов психологической науки в России, так и внешних социополитических запросов к ней. Я изложу и некоторые конкретные кейсы участия психологов в судебном процессе.

Психология и законотворчество

Российская традиция судебной экспертизы в психологии сформирована несколькими основными истоками: судебно-психиатрической экспертизой (Сафуанов, 1998; 2015), психолингвистическими исследованиями (Леонтьев и др., 1977), а также контекстом идей об общей или комплексной гуманитарной экспертизе (Юдин, 2006; Леонтьев, Иванченко, 2008). Виды областей, в которых чаще всего экспертам требуется психологическая компетентность, это общая психология (отдельных процессов), клиническая психология, социальная, возрастная. В существенном числе случаев психологическое исследование является частью комплексной психолого-лингвистической (Секераж, Кузнецов, 2016), психолого-психиатрической (Сафуанов, 1998) или же комплексной гуманитарной экспертизы (Иванченко, Леонтьев, 2017). Разрабатываются и иные формы экспертизы, например образовательной среды (Умняшева, Сафуанов, 2017).

Сильным импульсом к развитию экспертизы в области собственно психологии стали изменения в уголовном кодексе в 1997 году, а также появление в 1990–2000-х годах практик судебного преследования по делам об экстремизме (см., например: Скрытое эмоциональное, 2004). Этот период отмечен Федеральной программой развития толерантности¹, в которой впервые одна из ведущих ролей в формулировке социальной политики была отведена психологии. Задачи изучения и управления социальными установками, толерантностью, коммуникациями и т.д. были поставлены как задачи общего блага. Включение психологических аспектов в социальную политику далеко не уникально для России. Подвижные границы дискурсов психологии, права, морали постепенно стали естественной приметой нашего времени.

Анализ того, как психология постепенно стала концептуальной рамкой, в которой люди осмысливают себя и свой опыт повседневности дан в статье И.Е. Сироткиной и Р. Смит (2008). Они назвали это состоянием «психологического общества». Способ думать о своем состоянии, своих жизненных целях, отношениях и так далее заимствуется в наше время из языка профессиональной

¹ Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» была принята на 2001–2005 годы.

психологии. Примеров такого использования можно приводить много: начиная от распространившихся в бытовом языке «самооценки», «стресса» и «выгорания» до широкого использования таких идей, как «окна Овертона», мимикрирующих под научные психологические теории. Закономерно, что роль морали как регулятора общественных договоренностей теперь оспаривает психология. Проникновение психологических понятий и теорий в повседневное знание людей располагает к тому, чтобы и политические (в широком смысле) требования и ценности обсуждались с привлечением этого языка. Однако заимствованный из психологических теорий язык не гарантирует научной беспристрастности, а может оказаться и инструментом обоснования немотивированных запретов и преследований. Пример, на котором можно проследить появление новых запросов к психологической науке, — это законодательный запрет на распространение «информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» (введен Федеральным законом от 29.06.2013 N 135-ФЗ, который получил известность как «закон о запрете пропаганды гомосексуализма»). В этом случае законотворцы приносят свои предубеждения на территорию компетенции психологической науки, создавая особое давление на экспертную деятельность психологов.

Прежде чем перейти к этому основному кейсу статьи, оговорюсь: существует и альтернативный и даже модельный путь развития психологии исходя из запросов юридической практики и самих законотворческих институтов. Фарит Сафуанов (Сафуанов, 2017) описывает задачу «ввода экспертного понятия» на основе анализа юридического и правового смысла предлагаемых к анализу явлений, настаивая, что эта методологическая задача выполняется на основе научного психологического знания. Профессиональный психолог-эксперт в его представлении должен быть способен оценить и обосновать, насколько и как именно аппарат психологии применим к заявленной проблеме — это необходимо для ввода или выделения в материале экспертного понятия. По этой логике судебную экспертологию он называет метанаучной областью знаний (Сафуанов, Русаковская, 2017) и ее развитие оказывается движущим и для совершенствования специальных психологических знаний, и для совершенствования судебной практики. Примерами выработки экспертных понятий может быть исследование по нейропсихологии как методу прояснения состояния субъекта при совершении сделок (Сафуанов и др., 2018), работа по построению экспертных понятий в области экспертизы по составу такого преступления, как «склонение к суициду» (Сафуанов, Секараж, 2017). Широкую известность в мире получила проблема добросовестных, но ложных воспоминаний о детском incestе, которая выражалась в осуждении невиновных отцов и отчимов. Психолог памяти Элизабет Лофтус (Лофтус, 2018) прославилась продемонстрировав возможности создавать так называемые «ложные воспоминания». Ее исследование привело к изменению судебной практики в США, к пересмотру методик получения показаний потерпевших, а также открыло целую новую линию научных проблем.

Итак, диалог между новыми законотворческими или общественными запросами и психологической экспертизой естественен и плодотворен, когда психологические исследования выполняются качественно и добросовестно. Один из главных факторов сохранения высоких научных стандартов — сильные, независимые академические сообщества. Их анализу посвящен следующий раздел.

Институциональный контекст и состояние знания в российской психологии

Современная российская психология неоднородна как минимум в трех отношениях.

Во-первых, существует ряд сильных научно-исследовательских групп и центров, которые работают на высоком, международном уровне. Однако наряду с этим в более широких кругах наука развивается значительно хуже. Такая поляризация не уникальна лишь для психологии. В недавнем общественном обсуждении программы 5-100 по поддержке российских вузов-лидеров многократно звучало мнение, что в качестве своего последствия она имела обескровливание и дальнейшее ослабление основного числа не вошедших в этот список региональных научно-образовательных организаций. Анализу сложившейся ситуации неравенства посвящена работа М. Соколова и К. Титаева (Соколов, Титаев, 2013). Российская психология также разделяет с остальными научными областями и другие черты, например проблему нехватки академических свобод².

Во-вторых, в российской психологии остается содержательно открытой задача ассимиляции традиций советской психологической школы. Советская психология дала всемирно известных ученых как в 1920-1930-е (например, Лев Выготский), так и позже (Алексей Леонтьев, Александр Лурия и другие). Советская психология достигла высокого уровня развития, теоретической зрелости и эмпирических результатов. При этом она сформировала ревниво-конкурентное отношение к парадигмам, которые в это время развивались в США и Западной Европе. Это было обусловлено как атмосферой начала XX века, так и информационной и идеологической закрытостью советской науки, необходимостью ритуального подчеркивания ее преимуществ. После распада Советского Союза и исчезновения идеологического контроля за публикациями перед постсоветскими психологами по-новому встал вопрос о профессиональном самоопределении по отношению к работам коллег в других странах. В практическом отношении эта ситуация стала вызовом к содержательному методологическому синтезу. Рефлексивная работа над собственными методологическими и ценностными основаниями еще не завершена: не только все еще не опубликовано полного обновленного собрания сочинений того же Льва Выготского, но и сам полемический язык острых размежевающих дискуссий 1930-х так и не деконструирован до конца. Есть свидетельства, что и до сих пор, по всей видимости, этот настрой на размежевание воспринимается не критично³. Развитие психологии как науки в России по-прежнему рассматривается многими в контексте в первую очередь политического противостояния. Поэтому возникли возможности использовать психологию как поле для конструирования противостояния между консервативно-охранительной и открытой позициями.

В-третьих, российская психология как часть мировой науки переживает сейчас переход к обновленным методологическим критериям. Это выражается в том, что статистические методы переживают быстрое развитие, а критический взгляд на накопленный в психологии эмпирический материал показывает, что многие ставшие классическими, изученные поколениями студентов результаты не выдерживают перепроверки современными методами. Это явление получило

² Смотри мониторинг: <https://cisr.pro/projects/academic-freedom-in-russia-blog/>.

³ Недавний опрос на факультете психологии МГУ им М.В. Ломоносова показал, что «на 1 курсе 17,5% студентов считают, что у российской психологии свой особый путь, который не должен совпадать с путем развития мировой психологии. На 2 курсе согласных с этим утверждением уже 39,3%» (Хохлов, Сергеева, 2019).

название *кризиса воспроизводимости* или кризиса репликации. Новый уровень общемировых требований к качеству методологии означает, что экспертное знание становится еще менее доступным, а его оборот ускоряется. Такое положение дел, отнюдь не характерное лишь для психологии, повышает значимость коллегиального общения, постоянной учебы друг у друга и т.д. А при слабости горизонтальных связей в сообществе, напротив, усугубляет разрывы между группами психологов разной направленности.

Упомянутый выше Федеральный закон от 29.06.2013 N 135-ФЗ как раз послужил катализатором прояснения позиций среди психологов. Этот закон дополняет ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», что связывает его с предметом психологии детского возраста. При этом председатель конституционного суда РФ тогда заявлял, что «правовой смысл этого запрета <...> в том, чтобы заявить позицию законодателя по вопросу о границах толерантности со стороны государства к социальным отклонениям в данной сфере»⁴. Так сформулированная цель не предполагает специальной экспертизы психологов. Тем не менее со стороны психологии тут ощущается серьезный вызов: не только нет оснований соглашаться с такой оценкой вреда информации, но уже известны специальные исследования, выводы которых прямо опровергают позицию Законодателя. Скажем, с точки зрения качества выполнения родительских функций среди ученых установился консенсус о равноценности однополых родителей по сравнению с разнополыми⁵. Заметим, публикация этой информации в доступных несовершеннолетним медиа могла бы квалифицироваться как «утверждение социальной равноценности» разных типов семей. Закон, таким образом, конструирует альтернативу, и психологи должны индивидуально выстраивать свою позицию: согласие с вредоносностью информации позволяет опираться на этот закон, в то время как опора на современный научный консенсус заставляет относиться к нему достаточно критически. Тому, как психологи смогли ответить на такое противоречие, посвящен следующий раздел.

Психология и пропаганда: кейс информационной безопасности детей

Законопроект о «запрете пропаганды гомосексуализма» стал первым из числа прямо противоречащих научному содержанию социогуманитарных дисциплин (одним из других примеров можно считать более поздний закон о сравнении советского и фашистского режимов). Примечательно, что само понятие «пропаганда», обсуждаемое теперь в контексте условий детского развития, имеет историю даже легитимных научных исследований психологами. Например, прикладная область «лекционная пропаганда» частично рассматривалась психолингвистикой с фокусом на механизмах, которые на современном этапе обозначаются «убеждающей коммуникацией». Для немногочисленных советских ученых такое переформулирование идеологических клише в легитимную научную тему естественно. Однако эти исследования тем не менее проводились в контексте массового политического и идеологического противостояния (в период холодной войны).

⁴ <https://www.fontanka.ru/2014/09/29/230/>.

⁵ <https://whatweknow.inequality.cornell.edu/wp-content/uploads/2018/04/PDF-Parenting-wellbeing-1.pdf>.

Увы, сейчас есть много авторов, для которых сложные процессы глобального мира, в том числе касающиеся лично их, объяснимы исключительно в рамках чьих-то намерений. Нередки люди «от психологии» рассматривающие «пропаганду» уже как синоним идеологического влияния, а именно исключительно как инструмент политической борьбы. Такое расширительное толкование «пропаганды» в сочетании с низким интересом к пониманию ее механизмов позволяет полагать ее проявлениями чрезвычайно широкий круг общественных взаимодействий включая образование и просвещение, работу медиа, культуру. Поэтому некоторые социальные ученые уже в 2011 году восприняли этот закон как начало теперь уже развернувшегося законодательного ограничения любого просвещения.

Психологам-экспертам в этом процессе досталась особая задача: не оценивать источник пропаганды, ее воздействие или намерения, а определять наличие пропагандистского содержания (т.н. «представлений о социальной равноценности» гомо- и гетеросексуальных отношений), которое законодатель считает уже заведомо причиняющим вред несовершеннолетним. Психологическое сообщество отозвалось на эту проблему большим высказыванием — Концепцией информационной безопасности детей. Эта концепция была разработана междисциплинарным коллективом из представительных научно-исследовательских центров и содержала разработки разных аспектов темы и итоговые протоколы или формы экспертизы по этому закону. Мой анализ (см. Леонтьева, 2014) этого труда привел к пониманию того, что

«1. Многие предложенные авторами разработки не соответствуют принципам научности; в частности, в них не различаются доказанные суждения и гипотетические предположения, под видом терминов используются не имеющие четкого определения понятия.

2. В отдельных случаях авторы оперируют представлениями, несовместимыми с профессиональными знаниями и этическими принципами психологов.

3. Методическая разработка, предлагающая модели или теории для полноценного экспертного исследования, в Концепции оторвана от предлагаемых авторами инструментов.

4. Некоторые аспекты информации, которую предлагают оценивать авторы, не имеют отношения к безопасности и в целом не могут быть подвергнуты однозначной оценке в предлагаемых ими категориях.

5. Экспертиза спорных материалов в Концепции в значительной мере сведена к структурированному опросу субъективных впечатлений эксперта, не предполагающего с его стороны исследования материала» (Леонтьева, 2014).

Надо сказать, что итоговая Концепция информационной безопасности детей⁶, утвержденная на пять лет в 2015 году, значительно смягчена относительно исходной разработки психологов, и единственная упомянутая там форма оценки — это возрастная маркировка для информирования родителей. Несмотря на это, методика, разработанная в экспертном документе от психологов, в том же виде была многократно применена для экспертизы. Удобство этого вида экспертизы в том, что на сайте Роскомнадзора⁷ (РКН) можно найти большой список этих работ.

Интересным для рассмотрения примером того периода является экспертиза материалов группы для подростков на тему различий сексуальных ориентаций, в которой и были применены разработки Концепции. Созданная активисткой Еленой Климовой группа в соцсети ВКонтакте называлась «Дети-404» и объединяла детей, подростков и юношество, которые осознавали себя как

⁶ <http://government.ru/docs/20891/>

⁷ <https://rkn.gov.ru/mass-communications/p679/p682/>

негетеросексуальных. Материалы, предложенные для экспертизы, включали видеоролик для подростков о том, что их возможная гомосексуальность перестанет быть проблемой с возрастом, а также сами письма, составлявшие основной массив этого сообщества, — например, подростковые запросы о поддержке в связи с эмоциями и трудностями, которые вызывает ощущаемая ими гомосексуальность. Деятельность сообщества Елены Климовой была оценена следствием как «пропаганда нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних» на основе экспертного заключения доктора психологических наук. Как одно из первых дел такого рода, она привлекла медийное и профессиональное внимание. Одним из его результатов стало появление альтернативной экспертизы, которая анализировала те же самые материалы, но приходила к иным выводам. Разбор этой экспертизы появился и в академической литературе (Заключение..., 2015).

В этом споре психологических экспертиз привлекает внимание то, как именно разные специалисты использовали психологические знания и юридические понятия. Основанием для оппонирования экспертизе обвинения стало именно различие экспертных понятий (по Сафуанову, 2017): в исходной экспертизе⁸ под «психологическим влиянием» фактически понималось само тематическое содержание текста или, как в случае с письмами подростков, само наличие доступа к ним (т.е. их «видимость»). В оппонировавшей экспертизе⁹ «психологическое влияние» анализировалось как продемонстрированное намерение изменить сексуальные установки аудитории. Если в оригинальной экспертизе использовался метод фокус-групп среди студентов автора, то в оппонировавшей работе использован метод контент-анализа экспертного анализа практикующими психологами и эксперимент. Таким образом, психологи, желающие оппонировать самой идее «пропаганды нетрадиционных отношений» сделали это путем переформулировки экспертного вопроса. Своей задачей они видели необходимость установить: «Хотят ли подростки, пишущие в группу своим ровесникам, изменить сексуальные установки широкого круга лиц?» На этот вопрос их экспертиза дала отрицательный ответ. Это суженное представление о пропаганде — вариант сдерживания тенденции называть «пропагандой» любые публичные, но кем-либо не одобряемые формы поведения или публичные высказывания.

Диалог экспертиз состоялся и в суде, и Лена Климова была осуждена по этому делу. Однако практика обвинений в «пропаганде гомосексуализма» осталась ограниченной. Наряду с этим спустя несколько лет Российская ЛГБТ сеть накопила и позитивный опыт, удачные примеры судебных защит. Неопределенность понятия «пропаганды» гомосексуализма оставил психологам возможность делать заключения самым разнообразным образом, что, с одной стороны, не способствует научной строгости, но с другой — позволяет приходиться не только к запретительным заключениям. К примеру, в последние годы на уже цитировавшемся сайте РКН много «превентивных», разрешительных экспертиз, которые крупные медиакомпании просто берут заранее, выпуская на рынок свои продукты.

Еще один сопряженный с недостатками упомянутой Концепции вид экспертизы — это психолого-лингвистические экспертизы по делам, связанным «с пропагандой наркотиков». Судя по проникающим к публике примерам, устройство этих экспертиз столь же уязвимо, как и «пропаганды гомосексуальности»: например, эксперты способны установить наличие пропаганды

⁸ https://rkn.gov.ru/docs/IEkspertiza_Deti_404.pdf.

⁹ <https://psy-journal.hse.ru/data/2016/05/23/1131770833/Заключение%20социально-психологического%20ис..териалов%20онлайн-группы%20Дети%20404.pdf>.

из любой не отталкивающей картинкой, в которой можно угадать связь с употреблением наркотиков кем-либо, а также не считают нужным различать лирического героя и автора произведений¹⁰. После ужесточения наказания за склонение к употреблению наркотиков, в том числе через интернет, правоприменение новой статьи пока не понятно — сейчас по ней преследуют только активных медиаперсонажей, таких как певец Моргенштерн или журналист Юрий Дудь.

Экспертная деятельность российских психологов

Другие экспертизы с участием психологов, в отличие от разбора медиаматериалов, менее публичны. Поэтому ценным опытом разбора ошибок при экспертизе является работа Екатерины Васькиной и коллег по анализу типичных ошибок в судебно-психологических экспертизах по делам, связанным с воспитанием детей (Васькина, Сафуанов, Секераж, 2020). В ней показано на примере психологических исследований для судов по назначению опеки над детьми, что во многих случаях эксперты недостаточно владеют методологией исследований, используют инструменты с плохой валидностью, не чувствительны к границам своей компетентности и т.д. Авторы пишут, что «по-прежнему широко распространенными ошибками являются: выход эксперта за пределы научной и процессуальной компетенции, неполнота исследования, применение невалидных методов и методик исследования» (там же: 72). Это означает фактически профессиональную некомпетентность экспертов, их неспособность выполнить свою функцию. При этом растет число частных экспертов с сертификатами сомнительного происхождения, позиционирующих себя как «независимые». Авторы приходят к выводу, что более жесткая сертификация экспертов, например по критерию работы в государственном учреждении, — необходимый шаг для повышения качества экспертной деятельности.

Однако мы сталкиваемся и с ситуациями, когда ни высокий статус, ни работа в госучреждении не только не ограждают эксперта от ошибок, но и помогают распространять их с пагубными последствиями. Примером такого эксперта является *Виктор Слободчиков* — психолог, доктор психологических наук. Он был автором экспертиз в ряде привлечших общественное внимание дел: о вреде Хеллоуина, оскорблении религиозных чувств искусством Вадима Сидура, фильмом «Матильда», оперой «Тангейзер». Недавно он, в сотрудничестве с доктором юридических наук Игорем Понкиным, опубликовал «комплексное заключение» о видеоклипе российской участницы конкурса «Евровидение-2021», певицы, выступающей под сценическим именем Манижа¹¹. В ней под видом экспертного исследования и с указанием на различные исследовательские методики представлен ряд моральных суждений, прямо дискредитирующих Манижу, например: «Для внедрения, акцентирования и закрепления у зрителей понимания того, что перед ними в сценическом номере именно образ русской женщины, на спине части сценического костюма М.Д. Сангин (Манижи) огромными желтыми буквами на смеси суржика с английским языком написано, что это русская женщина («*рашин woman*», последняя буква выглядит на видеозаписи невнятно), что, помимо всего прочего, вызывает аллюзии к обязательным для ношения евреями в нацистском Третьем Рейхе желтым шестиконечным звездам на одежде». Приведа

¹⁰ <https://tass.ru/obschestvo/11423873>

¹¹ <https://vvesti.com/analytics/kompleksnoe-zaklucenie-po-audiovizualnomu-materialu-pod-nazvaniem-russian-woman-ispolnitelnicy-pod-sceniceskim-psevdonimom-maniza>

фрагмент текста песни Манижи, авторы пишут, что «исследование данного сценического номера выявляет, что такой текст (так же создающий аллюзии к образам умственно-неполноценных лиц) создан его авторами с полным осознанием того, что посредством этого текста и сценического номера в целом осуществляется формирование дисфорически-пейоративного, крайне уничижительного (выраженно русофобского) образа русской женщины»¹². Фактически авторы экспертизы берут на себя роль моральных обличителей. Но выступают при этом от лица академических наук — как правовед и психолог, соответственно. Хотя это «заключение» можно считать крайним примером подобных псевдоэкспертиз, оно ни в коем случае не является уникальным. Здесь авторитет психологического знания используется для достижения каких-то политических целей, а эксперт отказывается от роли исследователя. Академическое сообщество оказывается скомпрометировано такой деятельностью.

Другие известные экспертизы с участием специалистов-психологов в целом подтверждают распространенность описанных проблем. На проекте Диссернета, посвященном экспертизам¹³, можно найти такие примеры, а коллеги сопровождают рецензией проделанные для заключений исследования. В экспертизе¹⁴ О.Л. Якоуц по делу хакасской блогерши Лидии Баиновой любопытно, как предельно широкие вопросы к эксперту: «Каковы личностные особенности Баиновой Л.С.?» — в экспертизе получают ответы, несмотря на то что ни один метод исследования записей блога или допроса, который бы дал возможность построить обоснованное предположение о личности в целом, не приведен в заключении, как не описан и процесс такого исследования. Пролить свет на логику эксперта в тексте могут указания на жилищные условия, которые, как утверждается, создают очевидно долгосрочный неустойчивый эмоциональный фон, или «разоблачающие» замечания о том, что автор записи в блоге стремится привлечь к своему тексту внимание читателей. Внимание к личностным особенностям удивительно тем, что дело построено против женщины, которая столкнулась с болезненной дискриминацией (что отмечено в экспертизе), и написавшей по следам этого пост о структурном неравенстве этнокультурных групп в Хакасии. Эта экспертиза демонстрирует еще один характерный недостаток — отсутствие профессионального словаря. Так, в разделе определения понятий многие из них взяты не из современной профессиональной литературы, а из толкового словаря Ожегова. Их использование закономерно неряшливо, если не сказать случайно. Так, автор может написать, что «на основании психологического анализа текста, расположенного на странице пользователя “Лида Баинова”, можно проследить ряд этнических изменений сознания хакасского и русского этносов, которые выражаются в следующем...».

Другой пример, которым располагает проект «Судебные экспертизы», — это экспертиза, в которой психологическая часть просто не содержит собственно исследования¹⁵. От глоссария, частично построенного на толковых словарях, автор, Енгальчев В.Ф., сразу переходит к таблице, в которой цитаты из текста представлены им признаками коммуникативных намерений, не указывая и не демонстрируя никакого метода анализа.

¹² https://ruskline.ru/analitika/2021/03/16/klip_manizhi_oskorbitelen_dlya_russkih

¹³ <http://rosvuz.dissernet.org/expertise>.

¹⁴ <http://rosvuz.dissernet.org/expertise/143489>.

¹⁵ <http://rosvuz.dissernet.org/expertise/143413>.

Перспективы психологической экспертизы

Распространенность экспертиз от психологов, которые заслуживают быть оспоренными, свидетельствует о слабости профессиональных институтов. Принадлежность к университету или экспертной организации и даже наличие степени не оказывается гарантией качественного исследования. При этом в российской психологии остается все меньше независимых академических центров. Конечно, после того как психология стала массовой профессией, «средний уровень» тех, кто ею занимается, не так высок. Однако при этом в России есть ряд независимых добросовестных психологов с высокой профессиональной репутацией. Они активно информируют публичных акторов, например, консультируют представителей НКО. В судах блестящие информированные и преподающие на отдельных программах приглашенные практики не имеют преимуществ перед людьми, уже давно обладающими разнообразными регалиями, но фактически менее компетентными. Упомянутый выше проект «Судебных экспертиз» на базе Диссернета — один из способов предложить другой, более прозрачный и основанный на внутрипрофессиональном общении (рецензировании, peer review) способ ориентироваться в экспертном потенциале психологов.

А есть другой путь — психологическое просвещение. В России сильный запрос на практические знания, в том числе в сфере выстраивания отношений, которые бы относились бережно к достоинству самого человека (ассертивность, сохранение границ) или его уязвимых близких (книги по ненасильственной педагогике). «Публичная психология» (по аналогии с «Публичной социологией» в понимании М. Соловья) в повседневности может быть проводницей идей прав человека и методов их воплощения в социальной ткани общества. Если этот оптимистический прогноз оправдается при сохраняющемся интересе к психологии, то возникает и перспектива развития общественной дискуссии о ее законодательном и юридическом применении вообще и в экспертизе в частности.

Библиография

Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. (2020). Типичные ошибки при производстве судебной экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей // Теория и практика судебной экспертизы. № 15(3). С. 60–75.

Выготский Л.С. (1982). Исторический смысл психологического кризиса. Собр. соч., т. 1: Вопросы истории и теории педагогики / Под ред. А.Л. Лурия, Р.Г. Ярошевского. М.: «Педагогика». С. 291–436.

Дубровский Д. (2015). Экспертные заключения по делам о «словесном экстремизме» в России: спор о методах // Журнал конституционализма и прав человека. № 3–4.

Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. (2008). Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. (ред.). (2004). Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики. М.: Смысл.

Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. (1977). Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, гл. ред. восточной литературы.

Леонтьева А.А. (2014). Концепция информационной безопасности детей как угроза профессиональной деятельности российских психологов // Русский журнал. URL: < <http://www.russ>.

ru/pole/koncepciya-informacionnoj-bezopasnosti-detej-kak-ugroza-professionalnoj-deyatelnosti-rossijskih-psihologov> (дата обращения: 08.03.2014).

Леонтьева А.А. (2016). Дискуссия *Профессиональная позиция психолога в условиях законодательной дискриминации «нетрадиционных» отношений: вызовы и возможные задачи* // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 13(1).

Лофтус Э. (2018). Свидетель защиты. Шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 416 с.

Сафуанов Ф.С. (1998). Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе М. URL: <http://drlev.ru/work/safuanov.pdf> (дата обращения: 21.09.2017).

Сафуанов Ф.С. (2015). Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в агрессивных преступлениях: краткая история развития до введения в действие нового Уголовного кодекса РФ 1996 года // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. М. С. 137–161.

Сафуанов Ф.С. (2017). Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. № 1. С. 220–239. doi: 10.17759/psylaw.207070118.

Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А. (2017). Категория воспитания в семейном праве: культурно-исторический анализ // Cultural-Historical Psychology. № 13(3).

Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. (2016). Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. № 4(44). С. 98–107. doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107.

Сироткина И.Е., Смит Р. (2008). Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. № 3(3). С. 73–90.

Соколов М.М., Тутаев К.Д. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19.

Хохлов Н.А., Сергеева Е.А. (2019). Профессиональные предпочтения студентов младших курсов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Междунар. учеб.-метод. конф. (Чебоксары, 25 октября 2019 г.) / Под ред. А.Ю. Александрова, Е.Л. Николаева, А.М. Шамсиева, Ш.А. Юсупова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. С. 286–290.

Юдин Б.Г. (2006). От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / колл. моногр.; под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса. С. 214–237.